

Глеб Иванович Успенский

«Один на один»

Глеб Успенский
«Один на один»

«Public Domain»

1889

Успенский Г. И.

«Один на один» / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1889

«...Необыкновенное, поразительное, потрясающее уголовное дело разобрало недавно отделение орловского окружного суда в городе Волхове. Обвинялся и приговорен к бессрочной каторге некто Пищиков, который засек свою жену, беременную на девятом месяце, нагайкой. Процесс этот не сделал такого общественного шума, какой обыкновенно делают разные кровавые процессы, – и я не сомневаюсь, что ужас, именно только бесконечный и беспредельный ужас, которым запечатлено это дело, и был причиной того, что всякий, хоть чуть-чуть знакомый с ним, предпочел перестрадать его молча, про себя, а столичная печать не сочла уместным тиранить своих читателей подробностями ужасного дела, так как и маленького пересказа о нем, промелькнувшего во всех газетах, было совершенно достаточно для того, чтобы потеряться от невыразимой тоски...»

© Успенский Г. И., 1889

© Public Domain, 1889

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

«Один на один» (По поводу одного процесса)

1

Необыкновенное, поразительное, потрясающее уголовное дело разбирало недавно отделение орловского окружного суда в городе Волхове. Обвинялся и приговорен к бессрочной каторге некто Пищиков, который засек свою жену, беременную на девятом месяце, нагайкой. Процесс этот не сделал такого общественного шума, какой обыкновенно делают разные кровавые процессы, – и я не сомневаюсь, что *ужас*, именно только бесконечный и беспредельный ужас, которым запечатлено это дело, и был причиной того, что всякий, хоть чуть-чуть знакомый с ним, предпочел перестрадать его молча, про себя, а столичная печать не сочла уместным тиранить своих читателей подробностями ужасного дела, так как и маленького пересказа о нем, промелькнувшего во всех газетах, было совершенно достаточно для того, чтобы потеряться от невыразимой тоски.

В настоящей заметке я также не желаю тиранить читателя изложением подробностей этого дела¹, потому что не в них, как мне кажется, заключается то невидимо ужасное, из которого возникло ужасное видимое. Подробности процесса не дают вам ни малейшего понятия об этом невидимом, но ужасном. Сам виновник злодеяния объясняет свое дело ревностью – *«ревностью к добрачной жизни жены»*; говорит, что жена раздражала его тем, что не говорила правды: «сегодня расскажет одно, а завтра говорит, что я все наврала, ничего этого не было», – и вот от такого-то раздражения человек мог постепенно прийти до того, что не нашел иного выхода из своих личных огорчений, как бесчеловечное истязание *в течение шести часов* беременной на девятом месяце женщины, истязание, про которое врач, видевший солдат, наказанных шпицрутенами до тысячи ударов, говорил, что он не видывал ничего подобного тому ужаснейшему положению, в котором застал мертвую г-жу Пищикову. Кроме полнейшего несоответствия такого зверского конца с размерами личного огорчения, эти размеры *в подлинном*, выяснившемся на суде виде, *в подлинном своем значении*, не только не имеют чего-нибудь маломальски фактически достоверного, что действительно могло бы довести человека до исступления, но умахаются до ничтожества (в смысле *коренной причины* ужасного дела) показаниями того же самого Пищикова, который засек жену, имея от нее уже четырех детей, – жену, совершенно ему преданную, засек *якобы* за ее «добрачную жизнь», тогда как с этой «добрачной» жизнью своей будущей жены он был вполне уже знаком до брака. Убитая теперь им женщина до брака была «влюблена» в пленного турецкого офицера, некоего Телят-бея. Девушка эта училась в институте (но не кончила) и жила не то чтобы на свободе, а так, без призора; отец ее

¹ В коротких словах содержание процесса таково: бедный провинциальный писарек Пищиков случайно знакомится и женится на богатой девушке (девическая ее фамилия Сан-Венсан), благовоспитанной, образованной, что никак нельзя сказать о самом Пищикове. Вскоре после свадьбы Пищиков уезжает на жительство в деревню, и вот здесь стал совершенно обеспеченным человеком, что для грубой и дикой натуры Пищикова могло означать – полное освобождение от всяких общественных обязанностей (а это, к сожалению, как увидят читатели, оказывается делом вполне возможным); он начинает жить исключительно своими личными интересами и прихотями, в числе которых зерно ревности к добрачной жизни жены дает ему право проявлять относительно ее свои дурные, жестокие инстинкты. В настоящем очерке я опускаю только процесс развития в Пищикове этих жестоких инстинктов, то есть не говорю ничего о том, как от грубых слов и ругательств дело дошло до побоев, а от побоев – к драке, к увечью, к всенародному посрамлению жены, и т. д. Ужасного конца этих жестокостей вполне достаточно для того, чтобы читатель был потрясен и подавлен злодейством, и нет никакой надобности усиливать это подавляющее впечатление пересказом подавляющих подробностей. Все существенно важное для понимания этого ужасного дела читатель найдет в настоящей заметке: узнает, кто такой был Пищиков, кто такая была его жена, как они сошлись и т. д. (Прим. автора.).

женился на другой, когда ей было два года; жила она у какой-то тетки без дела и, повторяю, – без призора. Бульвары, прогулки, снование из угла в угол... Замуж бы надобно было барышне-бедняге, а тут Телят-бей какой-то по бульвару шляется. Она так в него влюбилась, что когда он уезжал на родину, так она хотела с ним бежать, просила, чтобы он «взял ее» с собой. (Ведь скука в самом деле адская *так жить* у тетки... Что ж? Тетка, тетка... все одно и то же!) И эти-то просьбы передавались Телят-бею через Пищикова; Пищиков носил ему письма своей будущей жены, уговаривал его прийти к ней на свидание, словом, помогал ей... Когда же Телят-бей отказал барышне, «не взяв» ее с собой, то она полюбила Пищикова – да в самом деле, ведь как он для нее старался, как хотел помочь! А тот оттолкнул ее... Разумеется, Пищиков «добрый», и не ходит же ей всю жизнь по бульвару из угла в угол... Пищиков женился на барышне, *зная все это* и будучи, *по его словам*, «до брака же» в мельчайших подробностях знаком со всевозможными другими романами своей жены (решительно не подтвердившимися на суде). Словом, все, что якобы ожесточило Пищикова после долгих, долгих годов супружеской жизни с безукоризненной женой, все это давным-давно было уже известно Пищикову, – а главное то, что все это «известное» положительно не подтверждено ни единым свидетельским показанием. В этой бедной женщине не только не видно признаков малейшего своевольтва сердца, но мы видим, напротив, что она, обладая вполне независимым состоянием, дающим ей полную возможность жить «в свое удовольствие», – даже и мысли не имеет о возможности *уйти* от тирана-мужа, не в силах убежать от его ударов: даже в страшный день своей страшной смерти, чувствуя приближение чего-то неимоверно жестокого, она только просит не уходить, остаться ночевать каких-то двух мужиков, случайных гостей Пищикова... Мужики отказались, и она ничего не могла придумать иного для своего спасения.

Таким образом, мотив, выставляемый Пищиковым, при самом тщательном изучении показаний, касающихся «добрачной» жизни его жены, решительно не имеет ни малейшего значения сравнительно с невероятным результатом, к которому он привел. Защитник Пищикова (к чести его) даже и не коснулся этого, во всех смыслах не подлежащего уважению мотива. Но и другой мотив, выставленный прокурором, – положительно так же как и первый, – не выводит вас на настоящую дорогу. Пищиковым руководило корыстолюбие: жена его владела имением ценностью до семидесяти тысяч рублей, и вот он, сделавшись ее мужем, хочет, чтобы жена сделала его полным хозяином имения, и ради этого он начинает ее бить, то есть побоями хочет добиться от нее того, что она, прикованная к нему какою-то неискоренимою привязанностью, могла бы сделать по одному ласковому слову. Но и этого не нужно, потому что (как видно из дела) она сделала это уже давным-давно; Пищиков давно уже имел от нее доверенность на управление имением, мог это имение продать и заложить и, кроме того, имел ее векселя на сумму, превышающую стоимость имения. Словом, он имел в своих руках все, и вот, когда он все получил, он и делает дело, за которое его ждет бессрочная каторга. Не мог же он не знать, что, истязая жену, он идет не к свободе и богатству и тем паче не к счастью... Он отлично знал еще утром рокового дня, что день этот кончится как-то необыкновенно жестоко, он знал это накануне, задолго до рокового дня ощущал потребность разразиться в чем-то ужасающем... В день смерти жены он утром посылает ее отцу телеграмму, извещая его о приближающейся кончине жены, которая была еще жива, сидела с гостями, которых потом просила остаться ночевать...

Словом, всевозможные «резоны», приводимые прокуратурой, защитой, свидетелями и самим подсудимым в объяснение этого необычайнейшего злодеяния, не только не объясняют вам его, но, напротив, чем более вы стараетесь вникнуть в «подробности» дела и с помощью их дорыться до «самого корня», тем более вы начинаете чувствовать, «что это не то», что «это не главное», что это мелочи, и что где-то тут, «около» этого процесса, а не здесь, в этом окружном суде, и не в этом отчете о заседании, который вы читаете, есть то главное, то ужасное, что гнетет вас несказанным ужасом. Ужас этот начинает возрастать именно по мере того, как

«подробности» дела начинают надоедать вам своею ничтожностью, мелочностью... Вы видите, что для объяснения злодейства никто из лиц, заинтересованных в процессе, – *не в состоянии* представить таких резонных объяснений, чтобы вы могли сказать себе: «А, вот, наконец, в чем дело!»

И вот в то самое мгновение, когда вы хотели бы совершенно забыть то ничтожное, до микроскопичности малое сердечное огорчение Пищикова на его жену за какую-то добрачную жизнь, – огорчение, источником которого была впоследствии кровавая бесчеловечная бойня, – вот тут-то вы и начинаете понимать, почему это дело так несказанно вас потрясает.

2

Вас ужасают те непонятные условия жизни, которые сделали возможным нечто совершенно невозможное. Что бы вы сказали, если бы кто-нибудь указал вам на огромное, толстое и крепкое, как дуб, дерево и сказал бы, что это не дуб и даже не дерево, а просто-напросто салат, доведенный до такого невероятного состояния какими-то особенными приемами? В деле Пищикова поражают именно те таинственные причины, лежащие где-то тут, *около этого дела*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.